

уместно вспомнить, как хотели сами австрийцы дожидаться окончания этого предприятия, как много они помогали многим из нас, организовывая научные командировки в Вену и не жалея денег на необходимую литературу; но, увы, к сожалению, не всем из них удастся поддержать это достойное издание в руках.

В ноябре 2008 года в ИМЛИ состоялась оживленная конференция «Немецкая литература XX века: новый взгляд», на которой обсуждались узловые пункты и центральные проблемы концепции нового фундаментального труда «История немецкой литературы XX века». Как же приятно было видеть среди участников заслуженных ветеранов германистики (их, к сожалению, было немного), но еще приятнее – молодых германистов с сияющими глазами и напряженным вниманием (их было значительно больше)! Значит, жизненный труд шестидесятников не только оправдал сам себя, но и вырастил обнадеживающие ростки будущего – несмотря на все сложности перестроечного периода. Среди слушателей и докладчиков мы с глубоким удовлетворением видели учеников Владимира Денисовича. Но самой большой и обнадеживающей радостью было то, что Владимир Денисович согласился возглавить работу авторского коллектива и редколлегии над этим большим и ответственным трудом. Для всех нас это означает лишь одно – труд состоится!

3 – 12 августа 2010 г.

А.А. Гугнин

А.А. Гугнин (Полоцк, ПГУ)

К 75-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Е.А. ЗАЧЕВСКОГО: ДРУЖЕСКИЕ ШТРИХИ К НЕАКАДЕМИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

Уже несколько недель лежат на моем рабочем столе пять увесистых томов фундаментального научного труда профессора Евгения Александровича Зачевского «Группа 47». Страницы истории литературы ФРГ¹. Общий объем уже изданных книг – 180 учетно-издательских листов. И я хорошо знаю, что Евгений Александрович усердно работает сейчас над шестым томом. Будет ли этот том завершающим? На этот вопрос я от самого автора внятного ответа не получил. Меня это несколько удивило, и усердно читая том за томом, я пытался сам для себя ответить на этот вопрос. Ответ для себя я нашел. Другое дело – насколько удовлетворит этот ответ профессора и его коллег и близких, знающих его лучше, чем я... Прошу только не забывать, что я пишу не монографию о выдающемся ученом, а всего лишь «дружеские штрихи» к юбилейному портрету.

1. Можем ли мы, начиная в юности путь к истине, знать, насколько долг будет этот путь и какую истину мы в конце концов откроем (если вообще откроем)? Разумеется, каждый честный и порядочный человек (а ведь именно такими большинство из нас себя и считают) стремится к *объективной истине*. Но что он может знать о ней вне контекста (а, точнее, без огромного множества контекстов, обусловленных и случайных, конкретно-исторических и космических), который окружает его со всех сторон, в котором он живет, и дышит, и действует практически, эмпирически, на уровне рефлексов, и лишь через годы и годы (да и всякий ли еще человек?) начинает (теоретически) осознавать и понимать, что у каждого – *свой личный контекст* (контексты), и из этого объективного личного контекста возникает *объективная личная истина*, а у других людей – точно такой же собственный объективный личный контекст, и из этого другого объективного личного контекста формируется столь же объективно, но только *совсем другая* объективная личная истина. Как же я в юности (да и не только в юности) любил спорить (любил – неточное слово, просто спорил в силу особенностей натуры), наивно полагая, что отстаиваю истину и справедливость. Я исходил тогда из трафаретного и абсолютно неприемлемого для меня сейчас положения о том, что «в спорах рождается истина». Истина рождается (если рождается) не в споре, но в диалоге, в беседе, в максимально возможном внимании к аргументам собеседника – даже если он кажется тебе в данный момент идейным противником...

2. В 1999 году, то есть за два года до выхода в свет первого тома упомянутого фундаментального труда, Е.А. Зачевский опубликовал в издаваемом им научном сборнике «Вопросы филологии» статью с весьма любопытным названием: «Горестные размышления по поводу трудностей написания истории "группы 47"». Эта статья по вполне понятным причинам осталась за рамками основного труда, но в 2005 году профессор опубликовал ее расширенный вариант в своей книге «Зеркала времени. Очерки немец-

¹ Зачевский Е.А. «Группа 47». Страницы истории литературы ФРГ 1947–1949 гг. Том 1. Изд-во «Нестор»: СПб., 2001. – 287 с.; Зачевский Е.А. «Группа 47». Страницы истории литературы ФРГ 1950 – 1953 гг. Том 2. Изд-во «Нестор»: СПб., 2004. – 291 с.; Зачевский Е.А. «Группа 47». Страницы истории литературы ФРГ 1954–1957 гг. Том 3. СПб.: «Нестор», 2007. – 256 с.; Зачевский Е.А. «Группа 47». Страницы истории литературы ФРГ 1958–1961 гг. Том 4. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 272 с.; Зачевский Е.А. «Группа 47». Страницы истории литературы ФРГ 1962–1964 гг. Том 5. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. – 314 с.; шестой том находится в стадии завершения.

коязычной литературы второй половины XX века». В этой книге проблема контекста (контекстов), которую я обозначил в первом «штрихе», возникает неоднократно и заслуживает отдельного рассмотрения, но я затрону здесь лишь один ее аспект, который представляется особенно важным. Цитирую профессора: «Главная трудность для современных исследователей (и для меня, в частности) состоит в том, что все мы являемся детьми своего времени, все мы в большинстве своем (вольно или невольно) находимся еще во власти идеологических или эстетических устремлений (принимая или отвергая их), которые в значительной мере воздействовали на становление «группы 47». Временная дистанция чрезвычайно мала, чтобы достаточно объективно судить о значимости того или иного писателя, того или иного произведения. Как бы мы ни старались, мы не свободны от предвзятости в своих суждениях...»² Я выбрал для цитаты лишь одно место из многих, которое со всей очевидностью демонстрирует, что Е.А. Зачевский прекрасно представлял себе, что такое неизбежная субъективность человеческого сознания и какие подводные (и не только подводные) камни и рифы ждут исследователя, который стремится эту неизбежную субъективность преодолеть. Йенские романтики, может быть, впервые осознавшие неисчерпаемые эстетические возможности хождения по непрочному канату объективности над бездной субъективности, разработали целый комплекс эстетических категорий и технических приемов, позволяющих художнику балансировать между крайностями объективности и субъективности (универсальная романтическая ирония, универсальный романтический роман, принцип фрагмента и так далее), добиваясь максимальной полноты постижения непознаваемых тайн мироздания. Ученые, кажется, до сих пор такой системы специальных приемов не разработали, ибо ученые в подавляющем большинстве своем (и чаще всего самонадеянно) автоматически склонны считать себя носителями объективного знания. Гипертрофированная субъективность – опаснейшая черта интеллектуалов, а отчасти и всего рода человеческого, и, по сути, необходимо было бы разъяснять это на доходчивых примерах уже школьникам, а в вузах вводить специальные и хорошо продуманные курсы (на всех специальностях). Мой первый и важнейший вывод из чтения трудов Евгения Александровича (не только его основной фундаментальной монографии) состоит в том, что из них – при желании и определенных усилиях, конечно, – можно вывести и сформулировать достаточно четкую методологию и методику путей и способов объективного литературоведческого исследования, когда ученый в процессе самого исследования не перестает осознавать границы и пределы собственной объективности и субъективности. Более того, именно понимание этой авторской установки приводит к тому, что изучение трудов Е.А. Зачевского почти незаметно превращается не только во увлекательное, но даже в захватывающее чтение. Становится понятно, почему ученый не «тонет» в огромном море фактов и подробностей, почему его не смущают бесконечные дискуссии не только о «группе 47» в целом, но и об отдельных писателях и произведениях, почему он пытается обнародовать и прокомментировать весь спектр мнений, не жалея места и времени на цитирование подлинников (часто архивных или до сих пор не использовавшихся), не уставая при этом разъяснять, чем было вызвано то или иное резкое суждение и с какой точки зрения каждый из участников дискуссии был по-своему прав. Но самое большое чудо, пожалуй, состоит в том, что при подобном подходе ни на одной странице не возникает ощущения нарочитого объективизма, аморфности, отсутствия личности исследователя – напротив, личность профессора выступает четко, ясно и темпераментно.

Это «необъяснимое чудо» подвигло меня на то, чтобы попытаться хотя бы в первом приближении понять истоки (генезис) подобной личности и подобного творчества. Мне пришлось просить профессора ответить на некоторые вопросы, в результате чего я получил три рукописных фрагмента автобиографии, цитаты из которой в дальнейшем приводятся курсивом. Жизненный путь Евгения Александровича – при всей неполноте сведений, полученных из первоисточника (то есть от самого Е.А.), – оказался для меня во многом неожиданным и поучительным. Но у меня нет столько места для подробного анализа, сколько парижские газеты и журналы около двух веков назад представляли великому Сент-Бёву, который – при всем блеске его биографического метода – все же порой существенно ошибался при встречах с неожиданным (в оценках Бальзака и Стендаля, например). Поэтому и моя попытка понять исследовательский метод Е.А. Зачевского из контекста его неординарной биографии является всего лишь толчком и канвой для работы фантазии, истинность которой будет подтверждена или опровергнута будущими биографами-архивистами...

3. Предки мои ничем особым не прославились, если не считать того, что прадед мой по отцовской линии собирался прикончить царя, за что и лишился дворянства, а деда моего из милости взяли в духовное училище и стал он сельским священником в Орловской губернии. Дед, между прочим, баловался писанием статей, так что я, наверно, пошел в него. От их рода, надо полагать, приобрёл некоторый авантюризм в поступках, ибо братаны моего деда были лётчиками, спёрли у советов два ероплана и сиганули в Финляндию, где и боролись с красными на стороне белофиннов. Правда, потом что-то у них там не заладилось, и они сиганули в Швецию, да там и остались. Сидели в тюрьме, одного из них король шведский

² Зачевский Е.А. Зеркала времени. Очерки немецкоязычной литературы второй половины XX века. – СПб.: Наука, 2005. – С. 10. Но процитированное положение содержится также и во Введении к первому тому фундаментального труда, что только подчеркивает его принципиальную важность для самого автора.

помиловал, увидев, как тот расписал в тюрьме капеллу. Хотя потом он пробавлялся извозом на такси, но картины его висят в шведских музеях. За всё это потом, вероятно, советы отомстили, когда в 1937 году арестовали моего отца, работавшего баллистом на военном заводе в Шлиссельбурге (взрыв там был, а отец в то время загорал на пляже в Сочи, но этого было достаточно для ареста), а мать с двумя детьми выселили в общежитие. В 1939 г. отца расстреляли. Позднее извинились, мол, ошибка вышла, и выдали матери 350 рублёв. Мать моя – вологодская крестьянка, хотя тоже по-своему дворянского рода, потому что семью, состоящую из 15 человек и имеющую по этой причине двух коров, посчитали кулацкой и корову одну отобрали. Правда, те соседи, которым корова отошла, как были голь-шмоль перекатная, так такими и остались до конца своей жизни. Во всей этой истории мне всё-таки удалось сохраниться благодаря господину великому случаю. Когда я родился, родители мои, ошалевшие от радости, не посмотрели свидетельство о рождении, а там было написано Зачевский Евгений Александрович, а отец мой – Зайчевский Александр Николаевич, а мать – Бережнева Елизавета Александровна (настоящая её фамилия Кайванова, что значит по-фински "берёзовая"): после революции во время переписи ввиду отсутствия взрослых, все были в поле, а ребяня испугалась, спросить было не у кого, и переписчики решили – раз вы живёте на берегу реки, значит, будете Бережневы). Ввиду того, что из моей фамилии выпала «й», я не стал сыном «врага народа» и потом не имел каких-либо неприятностей в жизни.

Этот фрагмент автобиографии, в котором слышатся интонации свойственного Евгению Александровичу снисходительно грубоватого, но от этого не менее мудрого юмора, позволяет увидеть сразу несколько контекстов, из которых каждый достоин особого внимания. Когда я пытаюсь мысленно вообразить себе вышеприведенный фрагмент в лицах, то он легко разрастается в роман, где элементы семейной хроники органично перетекают в эпопею о судьбах России с середины XIX века. Столь же отчетливо встает перед моими глазами и остросюжетный многосерийный кинофильм (телефильм) с несколькими пересекающимися сюжетными линиями. Но это дело будущего. Примечательно то, как собственный жизненный путь Евгения Александровича – сначала через предков, а потом и лично – с одной стороны, оказывается органично связанным с судьбой России и уже поэтому весьма характерным и по-своему типичным, и с другой стороны, постепенно обретает свои особенные, неповторимо индивидуальные черты. Прочитав еще два фрагмента из автобиографии, относящиеся к войне и жизни в послевоенные годы.

Маменьке удалось захватить нас с сестрой и теткой в поезд, который оказался последним. По дороге на Вологду нас разбомбили, и после этого замкнулось кольцо вокруг Ленинграда. Мы жили в родной вологодской деревне моей матери. Там я пошёл в первый класс (в одной комнате ученики 1–4 классов). В 1944 г. вернулся в Питер. Меня опять послали в 1 класс. По гуманитарным предметам у меня были пятёрки, по математике, физике, химии и черчению тройки с натяжкой. В 7 классе пришлось посидеть два года, потому как не мог понять, почему $a+b=c$... Школу я окончил в 1955 г. В этом же году ушел в армию, служил 3 года в ГДР, был радистом. Учился в ЛГУ с 1960 по 1969 гг. на вечернем филологическом факультете. Работал в это время на Охтинском химическом комбинате слесарем – сбежал. Потом работал на заводе "Автоарматура" настройщиком губных гармошек.

«Губные гармошки» выводят нас на одно из важных увлечений юности Евгения Александровича: он несколько лет самозабвенно пел в джазе – на танцах, концертах, в ресторанах – везде, где требовался классический джаз или задушевный романс. Музыку к ним он сочинял сам, да и около половины текстов тоже вышли из-под его пера (остальные он подобрал у Пушкина, Блока и других любимых поэтов). Несколько лет назад в минуту сердечного расположения профессор подарил мне большой диск со своими записями – и голосу и репертуару его многие современные эстрадные певцы могли бы от души позавидовать, да и полученные им призы и грамоты лауреата самодеятельных артистов эстрады тоже о чем-то говорят. Правда, на мой вопрос о музыкальном образовании Е.А. ответил однозначно: *Никакого музыкального образования у меня нет, самоучка.* О втором серьезном хобби профессор сообщил мне следующими словами: *Был профессиональным спортсменом, первый разряд, легкоатлетическая школа им. В.А. Алексеева "Зенит", имею (теперь, наверное, уже нет) рекорд "Зенита" по барьерному бегу на 200 метров и всесоюзный рекорд в эстафетном беге 4 x 100.*

Как очевидно из приведенных выборочных фрагментов, биография ученого выглядит со стороны не просто неординарно, но даже слегка экзотически. Я не случайно упомянул про телесериал – в каких шикарных ресторанах можно было бы организовать съемки, какую богемную атмосферу растиражировать (напомню, что оригинальные записи с неповторимо великолепным голосом Евгения Александровича сохранились), каких красавиц и умниц показать в окружении популярного певца! Мои романтически-эротические фантазии, однако, вырастают не на пустом месте, а из первоисточника: *Пользовался большой популярностью у девушек во времена моей джазовой оупеи* – написал он мне вполне доходчиво, не смакуя конкретику, но открывая широчайшие возможности для писательской и режиссерской фантазии. А какое великолепное зрелище должен был представлять будущий профессор, устанавливающий рекорд в барьерном беге под ликующие крики и овации огромного стадиона!.. Хотя на этом запас моей фантазии (основанной на фактах) далеко не исчерпывается, самое время вспомнить, что все же основным поводом моих «штрихов» является не собственно биография, а биография ученого, я не без сожаления возвращаю-

юсь на литературоведческую стезю. А оставшуюся экзотику побережем для 80-летия Е.А., до которого (мне очень хотелось бы на это надеяться) мы оба должны дожить, не впадая в старческий маразм.

4. Евгений Александрович Зачевский родился 5 ноября 1935 года в Ленинграде (с 1991 г. – Санкт-Петербург), где живет и работает по настоящее время. Окончил Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова в 1969 году. В том же году был принят на работу в Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, в котором продолжает работать и сегодня. Первые статьи и рецензии были опубликованы в 1978 году в Ленинграде и в Москве. В 1980 году Е.А. Зачевский защитил *первую* в СССР диссертацию (кандидатскую) о Вольфганге Кёппене (1906–1996), изучением творчества которого продолжает заниматься и по сегодняшний день. В 1995 году – он стал членом Общества В. Кёппена в Грайфсвальде... В числе своих учителей он особо отмечает А.В. Русакову и Н.Д. Смурову. Из этих сведений видно, что Е.А. Зачевский пришел в науку осознанно, то есть взрослым и зрелым человеком со сложившимися взглядами на жизнь и вполне определившимися литературными вкусами, что, безусловно, положительно сказалось на его дальнейшей научной работе. Размышляя о проблеме позднего вхождения в науку (это и моя проблема), я постоянно вспоминаю великолепные слова Готфрида Бенна, сказанные им в 1951 году в докладе «Проблемы лирики» перед студентами Марбургского университета (где он сам учился в начале XX века): «Лишь немногие начинают с совершенства... Талант может развиваться с помощью труда, и талант может иссякнуть. Моя наука гласит: приходит поздно, поздно к самому себе, поздно к славе, поздно на фестивали...»³. Как ни странно, но это эссе немецкого писателя, которое я начал переводить в октябре 1980 года по вечерам со слипающимися от усталости глазами (меня послали на две недели пасти коров в подшефном колхозе, и, набегавшись целый день за голодными коровами по пустым осенним полям, я сядил вечером за ту работу, к которой чувствовал призвание), во многом поддерживало меня в последующие годы, не давая развиваться бессильному отчаянию перед абсурдными ситуациями, в которые нередко заталкивала жизнь...

5. Впервые мое внимание на Е.А. Зачевского обратил в конце 1970-х или в самом начале 1980-х годов Григорий Алексеевич Шевченко, редактор популярного тогда журнала «Современная художественная литература за рубежом», в котором я сам постоянно публиковал рецензии и обзоры – для души и для заработка. Я стал внимательно вчитываться в публикации, пытаюсь ревниво-пристрастным взглядом специалиста оценить их достоинство и недостатки, и обнаружил прежде всего удивительную скрупулезность и добросовестность – даже в рецензиях Е.А. Зачевскому удавалось писать практически всегда обстоятельно и взвешенно, избегая элегантно-небрежного налета эрудированной поспешности, которой нередко грешат даже маститые критики. В 1989 году в издательстве Ленинградского университета вышла в свет научная монография Е.А. Зачевского «"Группа 47" и становление западногерманской литературы». Эта монография, кажется, прошла не особенно замеченной. Может быть, в том числе и потому, что литературой ФРГ давно и по-своему плодотворно занимались известные московские литературоведы и критики: И.М. Фрадкин, И.В. Млечина, В.И. Стеженский, Н.С. Павлова, А.В. Карельский, Ю.И. Архипов и другие. Но никто из них (даже И.М. Фрадкин) не погружался столь глубоко и разносторонне в предысторию группы, никто не нашел возможным потратить многие годы на изучение газетной и журнальной прессы первых послевоенных лет (но и более ранней и более поздней), никто не изучил «насквозь» творчество всех многочисленных писателей, солидаризировавшихся с «группой 47» или отвергавших ее. Отсюда уже в этой книге возникают немаловажные порой уточнения (даты, факты, некоторые выводы) по сравнению с предшественниками. До некоторой степени это прояснилось в 1991 году, когда Е.А. Зачевский защитил докторскую диссертацию по теме монографии. В 1992 году ему было присвоено звание профессора.

6. Наше личное знакомство случилось очень поздно, в апреле 2003 года, в Новополоцке, куда Е.А. Зачевский любезно согласился приехать на Вторую международную литературоведческую конференцию «Русская, белорусская и мировая литература: история, современность, взаимосвязи». После блестящего доклада «"Группа 47" – взгляд из XXI века» и при подведении итогов трехдневной конференции обнаружилось, что Е.А. Зачевский – «однолюб»: он и после докторской диссертации остается верен однажды избранному направлению исследования. Он подарил нам первый том своей рассчитанной на многие тома монографии «Группа 47». Страницы истории литературы ФРГ. 1947–1949». А сейчас мы с нетерпением ждем шестой том – как же быстро бежит время!.. Совершенно очевидно, что мировая германистика получила в свое распоряжение самый добросовестный и обширный труд по истории «группы 47», наиболее влиятельному литературному объединению писателей этой страны, без объективной оценки которого практически немислимо глубокое понимание самой литературы ФРГ. И дело не только в том, что самые известные немецкие лауреаты Нобелевской премии (Генрих Бёлль и Гюнтер Грасс) были активными членами этой группы, но не в меньшей степени и в том, что Е.А. Зачевский с удивительной емкостью воссоздает широчайшую историко-литературную панораму, где все являются участниками диалога: крупнейшие немецкоязычные писатели (прозаики, поэты, драматурги), писатели второго и третьего рядов, перворазрядные и второразрядные критики и литературоведы – все выступают на своем месте и по мере их вовлечен-

³ Бенн Г. Проблемы лирики // «Вопросы литературы». – 1991. – № 7. – С. 160 – 161.

ности в важные или побочные эпизоды жизнедеятельности рассматриваемого литературного (и не только литературного) объединения. Искусство исследователя сказалось и во внимании к мельчайшим (но немаловажным) деталям, и в соблюдении необходимых пропорций, позволяющих не терять основную нить повествования. Перед глазами читателя проходит не только почти вся литература, но и вся история ФРГ – во всем разнообразии общественно-политических и собственно творческих установок. Более того, Е.А. Зачевский постоянно обращается ко всей истории немецкоязычных литератур XX века, отслеживая как общие тенденции развития и смены литературных традиций и мод, так и их специфические преломления в творчестве каждого отдельного писателя. Разумеется, не всех современных читателей может устроить исследовательская позиция профессора, тяготеющая к литературе общественно ангажированной, заинтересованной в диалоге с читательской аудиторией, которую эта литература прямо или опосредованно просвещает и направляет. Направляет к жизни по совести, к осознанию важнейших духовных ценностей, отнюдь не идентичных идеалам «общества массового потребления».

7. И опять почему-то упорно вспоминается цитата, на этот раз из Франца Кафки: «Нет нужды выходить из дому. Оставайся за своим столом и прислушивайся. Даже не прислушивайся, жди. Даже не жди, будь неподвижен и одинок. И мир откроется тебе, он не может иначе». Разумеется, Кафка вовсе не был «неподвижен и одинок», напротив, он был необычайно активен в работе со словом, в поисках нужной мысли, в осмыслении каждой жизненной ситуации. «Неподвижен и одинок» в контексте жизни и творчества Кафки означает прежде всего священную неприкосновенность своей внутренней духовной позиции, ради сохранности которой он в том числе расторг помолвки со своими возлюбленными. Мир открывается только тому, кто хочет его открыть, но горе тому писателю (и литературоведу!), кто думает, что ключ к этому открытию мира находится вовне, а не в нем самом. Для такой позиции, которую избрал Кафка, нужно не только определенное мужество, но и упорство, и немалое терпение. Почему я вдруг об этом вспомнил? Помимо моего желания, сама биография Е.А. Зачевского натолкнула на подобные мысли... Вся жизнь (75 лет – это уже целая жизнь!) проходит в Санкт-Петербурге. В этой жизни появляется Вольфганг Кёппен, а за ним десятки и десятки других писателей, они приходят сами, они не могут не прийти... Из предисловий к книгам профессора Е.А. Зачевского (хотя он сам в этом плане не слишком многословен) можно все же отчетливо увидеть, как «открывается мир» и почему «он не может иначе». Любовь к писателям заставляет все же «выходить из дому» – хотя бы в библиотеки и архивы. Но затем и этого становится недостаточно, приходится писать письма самим писателям, обращаться в немецкие издательства, библиотеки и архивы... Поступают приглашения на конференции, заводятся знакомства с писателями и критиками... Так «однолюб» незаметно становится необходимым и важным звеном историко-литературного процесса, восстановителем исторической памяти, на фундаменте которой только и может быть построена подлинная человеческая культура. Так профессор Е.А. Зачевский желанным гостем объехал Германию, так он стал желанным гостем и участником литературоведческих дискуссий в Полоцком государственном университете в 2003 – 2010 годах, и мы надеемся, что эти встречи продлятся.

8. Еще несколько вех общественной и творческой биографии ученого... С 1995 года он является редактором-издателем ежегодника «Вопросы филологии», который он выпускает по месту работы, но где регулярно публикуются ученые из разных стран. Недавно на моем рабочем столе появился пятнадцатый выпуск этого издания. С 2000 года Е.А. Зачевский – заместитель редактора ежегодника «Вопросы методики преподавания в высшей школе». Не буду здесь перечислять все выполненные им работы, которые публиковались не только в различных городах и издательствах СССР и России, но и в Германии, Латвии и Беларуси. Но все же необходимо упомянуть, что с 1996 года он начинает регулярно публиковать свои переводы (проза, поэзия, эссеистика, научные тексты), порой достаточно объемные. Кроме того, Е.А. Зачевский является также автором нескольких учебных пособий по немецкому языку и целого ряда работ по проблемам перевода и художественного перевода. Мы рады, что несколько его статей впервые увидели свет в изданиях Полоцкого государственного университета.

9. В заключение попытаюсь определить в первом приближении исследовательский метод профессора, который он сам отчетливо обозначил во введении к первому тому своего многотомного исследования и который осветился новыми гранями в последних книгах. Ссылаясь на классическое определение культурно-исторического метода А.Н. Веселовского, Е.А. Зачевский несколько корректирует его позднейшими исследованиями истории немецкой литературы Ф. Фогта (1922) и Бенно фон Визе, который уже после Второй мировой войны настаивал на важности соблюдения определенного исследовательского «равновесия» между вниманием к имманентному развитию литературы и необходимостью не упускать из виду историю литературы, которая не может существовать вне общественного контекста. Дальнейшая разработка принципов и методики литературоведческого анализа, устремленного к достижению подобного равновесия, на мой взгляд, составляет основу исследовательского пафоса профессора Е.А. Зачевского, которому и я, и мои коллеги желаем здоровья, счастья и дальнейших успешных трудов в свое удовольствие и во благо российской и мировой науки!